ХРОНОС И
КАЛЬМИУС

АННА РЕВЯКИНА

РЕДАКЦИЯ
КПД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р32

Серия «Роман.doc»

Разработка серии и дизайн *В. А. Воронина*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Ревякина, Анна

Р32 ХРОНОС И КАЛЬМИУС. Донецкие дневники (2013–2016) / Анна Ревякина. — Москва: Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 448 с. — (Роман.doc).

ISBN 978-5-17-192793-6

Новая книга Анны Ревякиной, известной донецкой поэтессы, одного из главных символов «русской весны» и стремительно состоявшегося незаурядного прозаика, — это остросюжетная дневниковая проза, хроника событий, кардинальным образом изменивших судьбу Донбасса в майданно-постмайданные 2013–2016 гг., через которую проступает портрет автора, лирической героини тонкого и богатого полутонами художественного текста.

На страницах «Хроноса и Кальмиуса», написанных в самый разгар и в самом сердце донбасского конфликта, встречаются война и мир, смерть и жизнь, первые релоканты и первые ополченцы, поэты-заукраинцы и донецкий литературный бомонд, Киев и Москва — как географические, так и метафорические.

А кроме того, разворачивается многоступенчатая личная драма, состоящая из вариаций на тему не только пресловутой «любовной лодки» Маяковского, но и шекспировского сюжета о потере отца.

Самое же главное — к новой книге Ревякиной однозначно применима характеристика, которую в своё время дал Василий Розанов другому дневнику, «Дневнику русской женщины» Елизаветы Дьяконовой, — это «явление глубоко национальное, русское».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-192793-6

© Ревякина А., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЖИЗНЬ КАК СУДЬБА
(от автора)

Дневники ведут те, кого подводит память. Впрочем, память в известном смысле подводит всех. Сохраняет главное, отбрасывая мелочь дней за ненадобностью, а ещё обеляет. Сколько себя помню, делала записи. В подростковье — краткие. В юности — словообильные. Зрение момента не зорко, так мне думалось. Нет большой картины, нет судьбы, но есть жизнь в её прелестнейших мелочах и неточных выводах.

Перед вами не летопись донбасской войны, не перечень газетных заметок, не хроника событий, какой она могла бы быть, пиши эти тексты истинный летописец, а попытка одного отдельно взятого маленького человека сохранить собственную память в условиях деградации окружающего мира. Автор уходит с головой в нутряные воды ради одного — не свихнуться от проживаемого сюра. Автор дневника — человек, безусловно, неординарный. Ровно в той степени, в какой может быть неординарным абсолютно любой человек этого же пола, этого же поколения (тридцатилетних), этой же страты, etc.

Война входит в текст на мягких лапах, но полноправной хозяйкой его не становится. Этот факт не отменяет знания, что каждый из описываемых дней мог стать последним. Внезапно. Навсегда. Писать дневник — это всегда находиться в заведомо уязвимой позиции, не знать будущего, не ведать, чем там всё в итоге разрешилось. Не подгонять, как это часто делается, задним числом, а описывать очевидчески.

Алексей Колобродов сказал, что этот дневник «не на разрыв пупка, в этом его сила». В стремлении сохранить нормальность автор в какие-то моменты держится за тетрадку, как за последнюю соломинку, сломайся которая, сломается всё. Всё и сломалось. Жизнь, семья, мир, привычное бытование. Маленький человек и чёрные жернова судьбы, доставшейся степному городу.

Намеренно говорю о себе в этом предисловии в третьем лице. Это мой способ отстраниться и посмотреть на то, что происходило десять-тринадцать лет тому назад. Вот автор с подругой Машей Панчёхиной, совсем молодые и весёлые, входят в пропахшее старым маслом кафе «Бард», где проходили «Кораблёвники». И вот они же, обалделые, сидят на кухне под обстрелами осенью 2016 года. На этой же кухне в условиях, далёких от стерильных, родилась поэма «Шахтёрская дочь», отмечающая свой первый большой юбилей в год, когда автор пишет это предисловие. Десять лет назад поэма писалась на разрыв аорты. Я тогда не буквы складывала, а саму себя буквально пережёвывала в текст. Оглядываюсь и изумляюсь. Второй раз в моей жизни подобное пережёвывание случилось зимой 2025 года, когда я писала: «Бог любит тридцатилетних». Но об этом когда-нибудь потом.

В моей шахтёрской семье была присказка: «Жизнь как судьба». Слова эти произносились в моменты горя или, наоборот, в минуты особой радости. Когда жизнь, поистине непредугадываемая, слагалась так, что становилась действительно судьбой. В чём отличие? Жизнь — это сотни дорог и множество разных поворотов. Так кажется. Судьба же — путь. Из точки в точку. Красная линия на картах местности и времени. Судьба — сам поезд. А жизнь — отдельно взятое купе (два или три), полка с бельём, проводница, попутчики, чай на столе.

Наталья Хаткина писала: «Судьба сложилась, жизнь не удалась». Думается мне, складывается в конечном итоге всё — и жизни, и судьбы. Спасибо, Господи, за всё! Не станем же мы перечить великому режиссёру и великому читателю, в самом деле. А человек! Да... А что человек? А человек и есть книга, сам текст. Диалоги, монологи, мысли, образы, слова произнесённые и те, которые застряли комом в горле в тот самый момент. Каждый из нас именно такой дневник, моментальный текст — сложное сочинение на собственном письменном столе. Его нельзя переписать. Нельзя переделать.

Хронос и Кальмиус — два древних бога. Времени и меры. Кальмиус — река, протекающая в Донецке. Каждый день в период с мая 2013 года по декабрь 2016 года (хронологические рамки дневника) я пересекала её так много раз, что было не сосчитать. Входила дважды.

Пристально всматриваюсь в написанное и задаюсь вопросом: какой из дней я бы хотела изъять? Изъять никакой. А вот забыть хотела бы, но это уже невозможно.

2013 ГОД

9 мая 2013 года, Берлин

ВНУЧКА ПОБЕДИТЕЛЯ

Попасть в Берлин в канун Дня Победы — желание из давних и заветных.

Из тех, которые принято называть не желаниями даже, а гештальтами, требующими закрытия.

Дедушку разволновало и раздосадовало известие о нашей предстоящей поездке в Германию на майские праздники. Он боялся каких-то «провокаций» и ещё чего-то, о чём прямо говорить не хотел.

Ещё дед расстроился, что 9 мая я не приеду в Докучаевск. Не пойду с ним на парад. Не подарю моему герою букетик жирненьких, хрустящих, как малосольные огурчики, тюльпанчиков. Не хлопну с ним наливочки (дивную он вишнёвую наливочку делает, слюнки аж потекли) на семейном обеде по случаю Великой Победы, которую он и ещё миллионы таких же советских красавчиков добыли, заплатив огромную цену. А потом преподнесли её нам на блюдечке с голубой каёмочкой. «Пользуйтесь, внучатки, не забывайте, что мир — это драгоценность».

— Де, ну мне так хочется, у меня прямо внутри всё переворачивается, когда я представляю, что буду в Берлине именно 9 мая, понимаешь? Там, где был ты и твои однополчане много лет назад, — так уговаривала я дедушку. И уговорила в итоге.

Дедушке в этом году второго октября исполнится девяносто пять лет.

С трудом понимаю, насколько это много. Великая Отечественная война вот уже шестьдесят восемь

лет как закончилась — целую человеческую жизнь назад. Обычную человеческую жизнь, не дедушкину. Дедушка прошёл две войны, но о войне говорить не любил.

* * *

Сегодня были в Трептов-парке (место культовое и обязательное к посещению), там проходили большие народные гуляния. Повсюду расклеены листовки: «9. MAI. TAG DES SIEGES. WER NICHT FEIERT, HAT VERLOREN» («9 мая. День Победы. Кто не празднует, тот проиграл»). Были рядом с «Воином-освободителем» Евгения Вучетича. Трогательный и высоченный (тринадцать метров) монумент — воин, левой рукой прижимающий к груди ребёнка, а правой рукой, в которой меч, разрубающий ненавистную свастику. Расчувствовалась так, что пришлось прятать от мужа слёзы; говорила, что под линзу контактную что-то попало, не хотелось, чтобы он слякоть моих глаз видел.

«Воин-освободитель» — монумент павшим в боях за Берлин советским воинам на военном мемориале в Трептов-парке. Открыт в мае 1949 года, в год рождения моей мамы. У подножия воина-освободителя, по случаю праздника, поставили корзину с красными гвоздиками. На красной ленте с золотистой бахромой надписи на русском и на немецком языках — «От благодарных потомков». От меня, стало быть, тоже.

Была организована небольшая полевая кухня, давали кашу с мясом. Море празднующих Победу людей, некоторые из них в советской форме. Звучали русские военные песни, особенно порадовал улыбчивый ясноглазый гармонист, он играл без передышки несколько часов подряд. Любимая композиция —

«Катюша». «Про того, чьи письма берегла...» Три других сыграет, а потом снова и снова «Катюшу».

Иногда думаю, как они всё это выдержали? А потом создали семьи, родили детей, работали и просто жили. Жили нормальной, спокойной, но всё же суровой жизнью. А сейчас? А сейчас всё иначе... Мы — не они, нервные какие-то, психованные все...

Праздник в Трептов-парке — это праздник именно в Трептов-парке. Русская речь и радость на ней. За пределами парка — обычный четверг, тихий побеждённый и одновременно победивший Берлин шелестит весенними голосами проснувшихся деревьев. Берлинцы в бюро или по домам. От гида узнала, что некоторые организации дали работникам в этот день выходной. На улицах в основном либо праздные гуляки-туристы типа меня, либо мигранты, чаще женщины неевропейского вида в окружении разновозрастных детей.

Много социальной рекламы на асфальте краской под трафарет. «Карьера вам не скажет слово „мама“». И пустая коляска рядышком нарисована. Немки перестали рожать, несмотря на многочисленные социальные программы, поддерживающие беременность, и разнообразные детские льготы. Немки занимаются карьерой, крутят безопасную любовь, оголяют грудь на турецких пляжах, но не рожают. Отчего-то подумалось, что это плата за те старые грехи. Отсроченная плата.

«На Шиллерштрассе совсем не осталось евреев... На Шиллерштрассе совсем не осталось немцев».

10 мая 2013 года, Берлин

В эти дни, кажется, всё напоминает о той войне, либо это мой взгляд так цепляется и всё подмечает.

На одной из улиц (название не запомнила) ближе к центру три небольших плиточки на асфальте с еврейскими именами. Семья. Все под одной фамилией, даты рождения разные, а год и место смерти одни. «1942 год. Аушвиц». Лагерь смерти. Маме было чуть за двадцать, папе чуть за тридцать, малышке Саре около двух лет, когда их жизни оборвались. Рядом с плиточками лежали три, уже подувядшие, небольшие красные розочки. Кто положил?

Многие мои знакомые донецкие евреи в 90-е годы переехали в Германию, бросили нажитое и уехали в страну, которая их когда-то убивала с немецкой точностью — почти абсолютной точностью. Не страна убивала, но всё же. Как они так смогли? И умудрились же смириться... Или дело вовсе не в смирении, а в чём-то другом.

11 мая 2013 года, Берлин

КРАЙНИЙ ЗАВТРАК В БЕРЛИНЕ

Сегодня последний короткий день в Берлине перед возвращением в Донецк. Я буду скучать по немецкой речи, по дивному сверхсложно сложенному «лающему» языку.

Моя бабушка Любовь знала немецкий и очень его любила. Бабушки не стало десять лет назад — 26 апреля 2003 года. А вот дедушка немецкий язык не любит. И не понимает. «Словно собака брешет», — так говорит. Я с дедом не согласна. Мне нравится немецкий. Я его долго и упорно учила в детстве, обожаю на нём формулировать нехитрые мысли, мне приятно настраивать пространство собственного рта на чужой звук. Это моё ежедневное берлинское усилие доставляет мне радость. А фраза-признание в любви «Ich liebe dich» — это же вообще самая настоящая лебединая песня.

Немецкий — это не только приказы. Убивать, уничтожать, зверствовать, отнимать, расчеловечивать и одновременно расчеловечиваться. Немецкий — это ещё и стихи Гёте. Только стихи порою оказываются бессильны.

31 мая 2013 года, Донецк

ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

Сегодня закрылся первый сезон в моей литературной студии «Кофе — кошка — Мандельштам». Собирались в «Избе-читальне». Выступал профессор Виктор Фёдоров с лекцией «Почему опасно быть поэтом».

Идея приглашать в студию не только тонкоголосых птенцов любви, рифмующих депрессию промышленного города со своим личным «дала или не дала», а и реальных учёных мужей от литературы, пришла ко мне не так давно. И наконец-то свет! Словно кто-то пришёл в сумеречную аудиторию и щёлкнул включателем.

Мысль организовать литературную студию родилась в моей голове ещё летом 2011 года. Год я присматривалась, прикидывала, кого буду приглашать. Донецк невероятно литературоцентричен. Фигуры — Пляцковский, Анциферов, Левитанский, Парщиков, Хаткина. Фундаментально. И туляк Вересаев, въехавший на белом слепом коне «Подземного царства» в большую литературу. И, конечно, Куприн. А дальше имена живых, но уже зрелых авторов — Брайнин, Рафеенко, Куралех, Шаталов, etc. И молодые — Панчёхина, Першина, Сокрута. Донецк как поэтическая столица. Никому особо об этом не говорю, меня муж собственный обсмеял, когда я сказала, что Донецк — это город поэтов. А я всё равно так чувствую.

Что касается реальной опасности быть поэтом. Во-первых, тут ещё попробуй стать. И только потом ты будешь за это платить — всегда жизнью. И смертью. В конечном итоге. Впрочем, все мы, и люди пишущие, и шахтёры, и преподаватели, и даже домохозяйки, за всё всегда ровно так и платим. Ничего не понарошку. Но без медных труб, разумеется.

1 июня 2013 года, Донецк

Приснился Х. Просыпаться не хотелось... Как всё же жаль, что во сне нельзя сделать фото или снять видео. А если бы можно было, то какими удивительными были бы утренние социальные сети. Все бы выкладывали свои сны. Страшные или прекрасные, про любовь, про тех, с кем давно в разлуке, ведь сон порою — это единственная возможность встречи, разговора, объятий или даже поцелуев (а иногда и всего того, что следует за поцелуями).

И снова было бы неравенство, ведь есть те, кто видит сны редко.

7 июня 2013 года, Донецк

Стыдно об этом писать, и тем не менее.

Ещё зимой, когда мы задумали серию перформансов с художниками в стиле Philipp Plein в отеле «Джон Хьюз», я взяла у Дмитрия Викторовича, моего стоматолога, настоящий человеческий череп. Грешная я, грешная...

После первого успешного мероприятия принесла домой довольно вместительную коробку с реквизитом: книги, какие-то бумажки, журавлики и этот злосчастный череп. Коробка лежала в зале. Моя домработница Полина Григорьевна, умница-разумница,

решила, что я эту коробку приготовила на выброс. «На выкид. Я же думала, шо то на выкид, Анна». И выкинула.

Ладно бы только книги, но там был одолженный у доктора череп. Сколько было криков и поисков. Мы с Полиной Григорьевной перерыли всю огромную мусорную кучу и, разумеется, коробку не нашли. В голове у меня сама собой даже сочинилась небольшая детективная история. Кто-то же найдёт этот череп, ужаснётся, вполне вероятно, позвонит в милицию. Возможно, что в конечном итоге его предадут земле, где ему и место, собственно.

Дмитрий Викторович какое-то время о черепе не спрашивал, но потом наступила весна, поэтические мероприятия к этому времени сошли на нет. Череп стоматолог использовал в качестве наглядного пособия. Мой доктор — один из ведущих хирургов-имплантологов города, выполняет во рту разнообразные объёмные работы, а не просто лёгкий кариес изгоняет.

Дмитрий Викторович в итоге поставил вопрос ребром: «Где мой череп? Как выбросили? У вас всё в порядке с головой? Как можно выбросить череп? К тому же чужой». Там ещё и непростая история появления у Дмитрия Викторовича оказалась. Мальчишкой мой стоматолог нашёл этот череп при весьма странных обстоятельствах, и с той поры хранил дома в серванте, периодически доставая для медицинского дела.

А теперь нет черепа, потерялся, выбросили... Ну вот честное слово, хоть свой отдавай. Я ему предложила купить пластиковый хороший подробный экспонат. Но Дмитрий Викторович был непреклонен. Как я его ни уговаривала, как ни убеждала. «Шутка ли, хранить дома чужой неупокоенный череп», — так аргументировала. Грешная я, грешная...

Я-то чего себе для мероприятия не взяла пластиковый? Так доктор сам мне предложил, когда я обмолвилась. В общем, задалась целью найти для него череп. Задача почти невыполнимая. В итоге череп мне нашёл один макеевский полубандит. На кладбище взял, у него директор кладбища знакомый хороший. Но череп без нижней челюсти оказался, что, конечно, критично для полёта стоматологической мысли Дмитрия Викторовича. В общем, отдала дантисту такой, без челюсти, сегодня вот отвезла. И выдохнула. А в собственной черепушке мысль свербит, не буду даже писать её, нехорошая мысль. Господи, прости меня, грешницу...

20 июня 2013 года, Донецк

Сегодня бабушке могло бы исполниться ровно девяносто лет. Любовь Фёдоровна Ревякина (в девичестве — Шевченко) родилась в 1923 году. В 1941 году ей миновало восемнадцать. И ровно через два дня началась война. Бабушка мало рассказывала о детстве и юности. Много говорила о своей бабушке, которая её вырастила, только вот имени её я не знаю. Она её всегда называла исключительно бабушкой. А маму бабушки звали Анной, это в честь неё меня и назвали.

Бабушка была филологиней. На центральном месте в книжном шкафу — «Война и мир» в янтарной обложке. Любимый бабушкин роман. Её личная библия. Бабушка обладала не только удивительным чувством языка, но и внутренним ощущением Бога. Именно поэтому, должно быть, и назвала папу Николаем. Он родился на летнего Николая, только бабушка в том далёком послевоенном 1948 году ничего не знала о празднике. Это выяснилось гораздо позже, когда папе уже было как мне сейчас, а может, и побольше.

Бабушка часто говорила, что если она умрёт раньше, то дедушка сразу женится. Так и произошло. Он не женился, конечно, но попросил найти ему женщину для ведения хозяйства. И вот уж десять лет, живя с этой новой красногубой и неумной женщиной, дедуля каждый день говорит об исключительности бабушки. Говорит шёпотом, разумеется.

Когда бабушка вышла замуж за дедушку, её бабушка подарила ей десять метров ткани в качестве приданого. Когда родился папа, моя бабушка сделала из этой ткани пелёнки. Когда пришла пора младенца одевать, а не пеленать, она из этих пелёнок нашила распашонки и ползунки. Из десяти метров ткани! «Это было моё богатство. Та ткань! Ничего же не было». Мне сложно это объять.

Всё в бабушкином доме было сшито, вывязано, вырезано, сделано её руками. Занавески на окнах, чехлы для мебели и табуреток. Всё было в цветах: маках, розах, васильках, ромашках, колокольчиках, лилиях. Десятки кружевных накрахмаленных салфеток, несколько скатертей, она умудрялась расшивать цветами даже постельное бельё.

Я у бабушки спала как настоящая принцесса — на вышитых простынях и наволках. Но особая гордость бабушки — это ворота во двор. Железные добротные ворота, но при этом невесомые. И защита, и красота. Бабушка уговорила деда просверлить по её эскизу в металле множество дырочек. А потом сама эти ворота раскрасила. Композиция — четыре курочки-квохтушки (на воротах) и один щеголеватый петух Кукарека со шпорами (на калитке). Словно настоящие. Все, кто проезжали по нашей улице Первомайской в городе Докучаевске, мимо наших ворот ехали медленно — любовались.

Дедушка с бабушкой прожили вместе ровно пятьдесят шесть лет. В саманном доме, который построили пленные немцы, за кружевными воротами. А я вдруг сегодня поняла, что совсем ничего не знаю о тебе, бабушка. Была ли ты счастлива в этом своём вывязанном мире? Знаю, что с тобою был счастлив дедушка. И мне кажется, его счастье для тебя и было твоим настоящим счастьем.

15 июля 2013 года, Донецк

МАКУШКА ЛЕТА

Летний Донецк, по мнению многих дончан, невыносим — раскалённый каменный мешок. А лично меня всё устраивает. Я привычная, всё лучше, чем мёрзнуть.

На бульваре в полдень ни души, солнце шпарит, словно мы на экваторе. Вечером ни ветерка, ни один листочек не шелохнётся, город будто бы замирает перед прыжком. Часы бьют шесть, и на сцену выплывают они — наши донецкие розы, одуряющие, бархатистые, огромные, в шахтёрскую ладонь размером. Наверное, именно так и пахнет счастье. Розами.

16 июля 2013 года, Донецк

Папа сегодня пошутил: «Аня, ты так неуверенно водишь автомобиль, что каждая твоя новая машина думает, что она у тебя первая».

26 июля 2013 года, Донецк

Х внезапно сказал мне: «Аня, знаешь, я мечтаю попасть в твою голову, заглянуть хотя бы на несколько минут или даже секунд, чтобы посмотреть, действительно ли ты меня любишь».